

РУССКАЯ

Л сегодня американские бизнесмены не торопятся вкладывать свои капиталы в нашу разоренную «плановым ведением хозяйства» экономику. О том, что в начале века дело обстояло иначе, красноречиво говорят исторические документы, свидетельствующие об отчаянных попытках фирмы «Колумбия Фонограф и К°» закрепиться на обширном российском рынке.

Одним из первых открыв на берегах Невы торговлю «говорящими машинками», американцы поставили дело так, что их магазин был постоянно полон народу, а растущий оборот внушал самые радужные перспективы. Главным представителем в России, господин К. Ю. Шпан, в своем шикарном офисе на Казанской площади постоянно думал о том, как расширить предприятие, и случай не заставил себя ждать.

Накануне Рождества 1901 года в Петербурге и других крупных городах империи остро чувствовался недостаток в граммофонах — модной тогда новинке. Их изготовлением и решила заняться фирма, производившая до этого исключительно фонографы и валики к ним. Желая пустить в дело уже имеющиеся на складах детали, предприниматели янки сконструировали настолько несовершенный аппарат, что уже через месяц эксплуатации он становился непригодным для использования. Но самым ужасным его недостатком был шум шестеренок, который во время исполнения заглушал музыку. На этих «громмофонах», добавок ко всему еще и опоздавших к Рождеству, погорели многие торговцы. От них пошли массовые отказы, вследствие чего «Колумбия» затеяла дело в Коммерческом суде. Один из экспертов, выступавших на этом процессе отметил, что «аппараты настолько плохи, что их ругают даже трактирщики». Такая убийственная реклама могла покончить все дело. «Приняв холодный душ» и подсчитав убытки, фирма бросилась доводить свои аппараты до ума. Надо отдать должное американцам: вскоре они поставили в Россию продукцию высочайшего качества и с тех пор постоянно боролись за честь своей марки.

Широкая реклама усовершенствованного, бесшумного граммофона с фибровыми колесами дала неожиданный эффект — начался новый процесс. На сей раз в суд подали на саму фирму. Дело в том, что за границей уже тогда патентовалось все — не только изобретения, но и их названия. Слово «граммофон» составляло собственность одноименного акционерного общества, поэтому «Колумбия» должна была придумать оригинальное название своим аппаратам. Так появился на свет «графофон».

В феврале 1903 года для изучения возможностей русского рынка в Петербург прибыл представительный десант в составе президента компании господина Истена, директоров берлинского и лондонского отделений Брэдта и Дорнава, а также инженера Кэбса. Неведомая им доселе земля поразила красотой и талантами. Вскоре за океан отплыли первые 188 восковых дисков с записью русского репертуара для изготовления тиража. Да, первые пластинки «Колумбии» печатала у себя на родине в Америке. Главная фабрика фирмы располагалась в городе Бриджпорт (штат Коннектикут). Здесь обрабатывались все воски, поступавшие из берлинского, парижского, лондонского, а теперь и петербургского филиалов.

Все делалось с истинно американской оперативностью. Уже к лету диски с первой русской записью появились в продаже. Однако качество пластинок оставляло желать лучшего, да и в выборе репертуара фирма сделала ошибку: она вошла на поводу у исполнителей, игнорируя запросы рынка. В итоге — провал.

Виноград в неудаче некали недолго. В январе из Нового Света телеграф принес циркуляр о смещении К. Ю. Шпана с должности. На его место назначался один из директоров берлинского отделения А. Б. Кромелин. Но очередная запись, на которую пригласили таких известных исполнителей, как И. Ершов, А. Давыдов, А. Вяльцева, М. Фигнер... также оказалась не совсем удачной в техническом отношении. Выяснилось это после того, как, согласно контракту, артистам были выплачены очень большие гонорары. Кромелин извергал гром и молнии! Эмоции не шли на пользу делу, и закончилось все его отъездом из России.

В управление делами вступил Чарльз Гонкинс — человек энергичный и опытный в граммофонном деле. Многие любители музыки высказывали надежду, что вскоре «Колумбия» окажется на должной высоте и сможет продолжить конкуренцию с Акционерным обществом «Граммфон». И действительно, вскоре Гонкинс предложил русским покупателям новый тип графофонов, представляющих последнее слово техники, — совершенно бесшумный аппарат, обладавший комплектом очень сильных пружинок, позволяющих один раз заведя графофон, проигрывать «сразу» 15 обычных десятидюймовых (дюйм равен

0,0254 м) пластинок. Стоила новинка немало — 150 рублей, но, несмотря на это, спросом пользовалась огромным. В отличие от графофонов пластинки продавались сравнительно недорого: малые по 75 копеек, а «гранды» по 1 руб. 50 коп., первоначально все они были односторонними.

В конце 1904 года в Москве и Петербурге прошла еще одна запись популярных столичных артистов А. В. Богдановича, М. К. Северского, М. А. Макса и других, но злой рок висел над «Колумбией» в России, и эта попытка не увенчалась успехом. На сей раз дело возглавил А. М. Тривас — человек известный в творческих и деловых кругах Петербурга, начавший свою граммофонную карьеру еще в «Товариществе В. И. Ребиков и К°».

Вскоре после его вступления в должность фирма выпустила в продажу концертные пластинки с двухсторонней записью. Цену за новинку назначили 2 руб. 50 коп. Подчеркивая достоинства товара, журнал «Свет и звук» писал: «Двухсторонняя запись представляет собой тот интерес, что на одной и той же пластинке может поместиться музыкальная пьеса без купюр, что весьма важно». Этот шаг стал серьезной заявкой в конкурентной борьбе с «Граммфоном».

В июле 1906 года в Петербургской студии началась новая запись русского репертуара. Для ее осуществления из Америки прибыл инженер Джонсон, привезший с собой целую коллекцию особых мембран, соответствующих индивидуальным особенностям голосов. Их применение уже дало поразительные результаты во время проведенной им ранее итальянской записи. Наряду с техническими новациями была сделана переориентация и в репертуарной политике. Руководствуясь соображениями А. М. Триваса о том, что графофон в России распространен преимущественно среди среднего сословия, фирма сместила акценты в сторону хоровых и народных песен. Сказались на выборе тематики и события 1905 года: на пластинках появились номера обличительного характера и песни, воспевающие свободу, законспирированные под известные классические произведения. Готовил А. М. Тривас и беспрецедентную запись голосов некоторых депутатов Государственной думы: А. Аладина, И. Жилкина, князя С. Урусова. К сожалению, голоса политических звезд так и не были увековечены. Зато с вокальными записями на сей раз повезло. Этот опыт оказался переломным в цепочке предшествовавших неудач.

Для «Колумбии» 1906 год вообще стал годом больших событий. В августе фирма открыла фабрику пластинок в Лондоне, которая предназначалась для обслуживания отделений на европейском континенте, включая и Россию. Мощности нового предприятия составляла 100000 пластинок в день. Теперь заказы можно было получать значительно быстрее, чем от фабрики в Бриджпорте, находящейся в другом полушарии. Это давало новый козырь «Колумбии» в борьбе за русский рынок с акционерным обществом «Граммфон». Как и следовало ожидать, пуск в Англии крупного производства вызвал оживление торговых операций в России. Расширялся петербургский склад, для чего в аренду взято обширное помещение в Аптекарском переулке. Для розничной торговли в лучшей части Невского, между Морской и Мойкой, сняли магазин, бывший «Братья Елисеевы». В его заново отделанных роскошных помещениях для публики представлялись всевозможные удобства. В витринах красовались графофоны различных моделей и стоимости. Покупатели могли ознакомиться с каталогами, прослушать пластинки, получить консультацию. Фирма вела переговоры о новых записях, заключала контракты с исполнителями.

Одним из главных консультантов компании был известный изобретатель беспроволочного телеграфа Маркони. В его распоряжение предоставлялись самые лучшие лаборатории, и маэстро не сидел без дела. Он работал над «бархатной» пластинкой, которой предстояло проигрывать

«КОЛУМБИЯ»

переворот в грамзаписи. Появлению новинки предшествовала шумная рекламная кампания. Пресса с восторгом сообщала: «Пластинки Маркони неразрушимы. Они сохраняют полную пригодность к употреблению прямо из-под копыт лошадей и колес автомобилей». Магазин компании в Кливленде выставил в витрине специальную машину, сгибающую и разгибающую пластинку, — подчеркивая тем самым ее гибкость и прочность. Пластинка не разбивалась при падении — это казалось фантастикой. Но главным ее достоинством было качество звучания — мягкое, натуральное, лишенное всякого шума, отсюда и название «Velvet-tone».

Немало усовершенствований сделал Маркони и в графофоне. Новые аппараты снабжались гладкими или цветными рупорами. Наружная отделка в стиле «модерн» отличалась изяществом и изысканностью форм. Почти все они имели особое приспособление — пылепредохранитель, защищающий ось и внутреннее устройство от засорения. Механизм графофонов был одно-, двух- и трехпружинным, что позволяло, один раз заведя его, проигрывать уже от двух до десяти больших пластинок. Еще одной новинкой стал регулятор звука. Особым винтом на мембране, даже в момент исполнения пьесы, изменялась по желанию степень натяжения слюды. Таким путем звук усиливался или ослаблялся, чем достигались особые эффекты при прослушивании. Все это вызывало огромный интерес к заокеанским товарам. И уже в те годы надпись «Сделано в Америке» приводила в благоговейный трепет русского обывателя.

И все же конкурировать с акционерным обществом «Граммфон» было не просто, уж слишком крепкие позиции оно имело на русском рынке. В борьбе за покупателя американцам приходилось пускаться на различные ухищрения. Они первыми стали переиздавать самые излюбленные и удачные записи из новых двухсторонних пластинок. Назначив им цену в два рубля, компания давала своим клиентам возможность «за излишние потраченную незначительную сумму иметь как бы две пластинки вместо одной».

Наряду с записями русских исполнителей фирма продавала в России и пластинки ведущих зарубежных артистов. Так, например, многие любители музыки смогли познакомиться со знаменитым итальянским баритоном Таурини Парвисом, исключительное право записи голоса которого принадлежало «Колумбии».

Среди поступивших в продажу в октябре 1907 года пластинок особое внимание критиков привлекла «Камаринская» М. И. Глинки. Журнал «Новости граммофона» писал: «Вот вещь, которая всегда и везде будет иметь успех. Из простого народного плясового мотива, бедного самого по себе, гениальный мастер создал никогда не увядающую вещь»...

Посещали студию звукозаписи и народные исполнители. Одним из первых появился на пластинках «Колумбии» хор лапотников (пение с разговором) под управлением Н. П. Никифорова со своими шедеврами «Тыфу-ты, ну-ты» и «Хурды-Мурды». Слово «отзвук старины глубокой» звучало с графофонных дисков жалейщики. Их обыкновенные пастушеские свирели сыграли народные песни без всяких прикрас и переделок — именно так, как звучали они в русских деревнях.

Чем шире и разнообразнее становился репертуар, предлагаемый «Колумбией», тем, казалось, уверенней она должна была чувствовать себя на русском рынке. Но судьба фирмы была предрешена. В Петербурге пиратство вошло, занимаясь копировкой чужих пластинок, фабрики «Мелодифон», «Тонифон» и им подобные. Не обошли они стороной и лучшие записи «Колумбии». Пытаясь защитить себя от разорительной и наглой конкуренции, компания представила Председателю Государственной Думы петицию, в которой ходатайствовала о законодательной защите ее прав. Но Российской империи было еще далеко до правового государства...

Смело и решительно заявляли о себе старые и новые конкуренты: в Варшаве открыла свое производство «Сирена-Рекорд», в 1910 году начала работать фабрика «Метрополь-Рекорд» в Аптекарке. Русские предприниматели играли на понижение цен, выбрасывая на рынок все новые и новые пластинки. Американцы уже были не в силах тягаться с молодыми «акулами» граммофонного мира. Прeusпевающая во всех странах мира «Колумбия» в России увядала на глазах, и вскоре дело пришло к окончательному упадку. Точку в этой истории поставил директор компании Паулик, который в 1911 году ликвидировал в Петербурге все дела. Фирма, носившая имя одного из открывателей Америки, так и не смогла закрепиться на земле с гордым названием Россия.

С тех пор прошло 80 лет... Может, «Колумбия» снова процветать сможет? А вдруг на сей раз повезет?